

Участіе грековъ въ дѣлѣ патриарха Никона.

Соборъ 1660 года, собранный для избрания преемника Никону и рѣшенія вопроса, какъ быть съ самимъ Никомомъ. Разногласія, обнаружившіяся на соборѣ 1660 года относительно Никона. Участіе греческихъ архіереевъ въ соборѣ 1660 г. Пріѣздъ въ Москву газскаго митрополита Паисія Лигарида и занятое имъ положеніе при московскомъ дворѣ. Отношенія Паисія Лигарида къ Никону и Никона къ Лигариду. Посылка на востокъ іеродіакона Мелетія грека съ приглашеніемъ восточныхъ патриарховъ прибыть въ Москву. Волненія по этому случаю и распри между греками въ Константинополѣ и Москвѣ. Неудачная попытка московскаго правительства добиться назначенія Паисія Лигарида экзархомъ восточныхъ патриарховъ въ Москвѣ для суда надъ Никомомъ.

Удаленіе Никона съ патриаршаго престола и, въ то же время, его нежеланіе окончательно отказаться отъ патриаршества, поставило правительство въ очень затруднительное положеніе. Ему приходилось рѣшить два вопроса: можно-ли выбирать на мѣсто Никона новаго патриарха, когда прежній—Никонъ отъ патриаршества формально и письменно не отказывается, и какъ быть съ самимъ Никомомъ? Для рѣшенія этихъ вопросовъ въ 1660 году государь созвалъ соборъ, на которомъ въ качествѣ членовъ присутствовало, судя по подписямъ подъ соборнымъ дѣяніемъ, 13 архіереевъ, къ которымъ присоединены были потомъ еще три греческихъ архіерея, такъ что всѣхъ ихъ было 16. Кромѣ того подъ соборнымъ дѣяніемъ подписалось 29 архимандритовъ, 13 игуменовъ, 5 протопоповъ и старецъ Епифаній Славинецкій. Конечно на соборѣ, помимо подписавшихся, было не мало и другихъ лицъ. Соборъ, значить, былъ очень многочисленный и разнообразный по своему составу. Продолжался онъ очень долго, именно: открытъ былъ 16 февраля, а закон-

чился 14 августа т. е. тянулся цѣлые полгода. Соборъ былъ открытъ самимъ государемъ въ золотой царской палатѣ въ присутствіи боярѣ и всего царскаго синклита. Открывая соборъ, государь обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью, которая дошла до насъ въ собственноручномъ спискѣ царя Алексѣя Михайловича: „отцы святіи, преосвященные митрополиты, архіепископы и епископы, архимандриты, игумены и протопопы! Изволеніемъ всесильнаго Бога, а нашихъ грѣхъ ради, святая восточная соборная и апостольская церковь, мать всѣхъ насъ, вдовствуетъ уже годъ и семь мѣсяцевъ, не имѣя жениха и пастыря, а бывший женихъ ея и пастырь, святѣйшій патріархъ Никонъ, патріаршій престолъ оставилъ и находится въ дальнихъ странахъ, а какъ это было, и при оставленіи имъ патріаршества что происходило, все то видѣли: Питиримъ митрополитъ сарскій и падонскій. Михаилъ митрополитъ греческій, Іоасафъ архіепископъ тверской, архимандриты, игумены и протопопы, которые во время божественной литургіи были съ нимъ, патріархомъ, въ службѣ: у всѣхъ у нихъ взяты о томъ сказки, которыя и пришлемъ къ вамъ, святителямъ, и ко всему собору въ патріархію, съ бояриномъ нашимъ Петромъ Михайловичемъ Салтыковымъ. И вамъ бы, отцѣмъ святымъ, о святомъ Духѣ собравшимся, о томъ дѣлѣ разсуждать вправду по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ“. — Слѣдующее засѣданіе собора, бывшее на другой день, происходило уже въ патріаршей крестовой палатѣ, царь на немъ не присутствовалъ, не было боярѣ и синклита, а только духовныя лица, которыя въ послѣдовательномъ рядѣ соборныхъ засѣданій занялись разсмотрѣніемъ тѣхъ свидѣтельскихъ показаній, которыя ранѣе отобраны были отъ разныхъ лицъ, находившихся въ Успенскомъ соборѣ въ то время, когда Никонъ оставлялъ патріаршество. Всѣ представленныя сказки соборомъ сличались, провѣрялись, исправлялись на основаніи новыхъ показаній тѣхъ лицъ, которыя были въ Успенскомъ соборѣ при оставленіи Никономъ патріаршей кафедры, а теперь находились на соборѣ и были подвергнуты новому допросу. Тщательно разобравшись въ показаніяхъ разныхъ лицъ, соборъ единодушно пришелъ къ заключенію: „святѣйшій патріархъ Никонъ оставилъ свой патріаршескій престолъ своею волею“, о чемъ должно было государю чрезъ

боярина Петра Михайловича Салтыкова, который, въ качествѣ представителя царской власти, присутствовалъ на соборѣ, какъ и на всѣхъ предыдущихъ и послѣдующихъ соборахъ, и игралъ на нихъ роль нынѣшняго оберъ-прокурора при св. Синодѣ. Государь, выслушавъ докладъ Салтыкова, приказалъ собору сдѣлать выписку изъ правилъ св. апостоль и св. отецъ, и на основаніи ихъ обсудить дѣло объ оставленіи Никономъ патриаршей кафедрѣ. Назначенная государемъ комиссія изъ архіепископовъ Маркелла вологодскаго, Иларіона рязанскаго, Макарія псковскаго, чудовскаго архимандрита Павла и игумена Свирскаго монастыря Симона, собрала подходящія къ случаю соборныя правила, толкованія на нихъ, а также подходящія историческіе случаи и представила собранное на обсужденіе собора. „Преосвященный соборъ о отреченіи патриаршества святѣйшаго патриарха Никона правильной выписки слушали, и по выпискѣ правилъ разсуждали, бояся кѣждо страшнаго суда Божія и помня великаго государя премудрейшее повелѣніе вышесказанное, крѣпцѣ смотриша, да не како неправильнѣ управленіе сіе составится имать“. Принимая во вниманіе всѣ обстоятельства оставленія Никономъ патриаршаго престола и особенно то несомнѣнное обстоятельство, „что отречеся патриархъ Никонъ патриаршества своего и, потомъ, не быти общася“, что въ письмѣ къ государю Никонъ собственноручно подписался; „бывшій Никонъ патриархъ“, „преосвященный соборъ вся сія разсуждая, паче же прилежно правильную выписку прочитающе, возложиша сіе на правила святыхъ отецъ, понеже правила святыхъ отецъ согласно вси невозбранно повелѣвають на отречшагося своей епископіи, или отшедшаго безъ благословныя вины, вѣще шести мѣсяцъ епископа, вмѣсто его инаго поставляти“. ¹⁾

Итакъ, соборъ нашелъ вполне согласнымъ съ обстоятельствами оставленія Никономъ патриаршества, съ существующими каноническими правилами и съ историческими примѣрами, чтобы на мѣсто добровольно оставившаго патриаршю кафедру Никона былъ немедленно поставленъ новый патриархъ.

Поставленіе новаго патриарха на мѣсто ушедшаго Никона

¹⁾ Гиб. I, 66. Дѣло о п. Никонѣ, стр. 62 и 63.

оказалось однако не столь простымъ, какъ это сначала думалъ соборъ, такъ какъ сейчасъ же возникалъ вопросъ: какъ быть съ Никономъ, который продолжалъ осуждаться патриархомъ. Очевидно, прежде избранія и постановленія новаго патриарха, необходимо было порѣшить вопросъ о судьбѣ Никона. Сдѣлать это было тѣмъ болѣе необходимо, что Никонъ въ послѣднее время настойчиво заявлялъ, что онъ оставилъ престоль, но архіерейства не оставлялъ, что благодать, дарованная ему при поставленіи въ патриархи, по прежнему остается при немъ и что только онъ, а не кто либо другой, можетъ передать ее своему преемнику. Отсюда Никонъ дѣлалъ такой выводъ, что право законно поставить новаго патриарха принадлежитъ только ему, Никону, и что безъ его активнаго участія не можетъ состояться законное поставленіе новаго патриарха.

Но Никонъ въ этомъ случаѣ былъ не одинокъ. До насъ дошла докладная записка неизвѣстнаго (вѣроятно Славинецкаго), поданная царю Алексѣю Михайловичу, въ которой авторъ рѣшаетъ слѣдующіе четыре вопроса: а) „мощно-ли, не низложивше соборне Никона, возвести инога? б) Мощно-ли Никона, отрекшася своего престола, возвести паки? в) Мощно-ли низложити Никона и инога возвести, ему живу сущу, правильно? г) Аще Никона низложити, то разсудити,—отъ самага-ли престола, или вкупѣ и отъ архіерейства“?

Отвѣчая на указанные вопросы, авторъ записки говоритъ, что Никонъ отрекался престола только на словахъ, а не дѣломъ, такъ какъ его отреченіе не было сдѣлано на соборѣ, или письменно, и къ тому же онъ, при отреченіи отъ патриаршества, вышелъ изъ Успенскаго собора въ архіерейской мантии и сейчасъ все архіерейски дѣйствуетъ. Но если бы онъ отрекся и дѣломъ, то и тогда было бы несогласно съ церковною заповѣдію признать его отреченіе достаточнымъ, такъ какъ, по словамъ Кирилла александрійскаго, „аще бы и писаніемъ отрекся, аще достоинъ есть святительства—*да служитъ*; аще же есть недостинъ, да не отрицается, но обличенъ бывше судомъ, *да извержется*; кромѣ же обличенія никакъ чуждъ можетъ быть престола: убо Николово отрицаніе ничто есть; и аще не имать недостоинства никакова, *да служитъ*; аще ли имать недостоинство, соборне вопросити о немъ и, судомъ обличивше, низложити“. Изъ этихъ разсуж-

деній авторъ записки выводитъ такое заключеніе: „иного намъ избирати, Никону живу сушу, видитмися немощно. Никона же, аще и отрекшася, мощно возвести паки, по святому Кириллу, глаголющу: *аще достоинъ, да служитъ*“. Но, говоритъ авторъ, если и скажутъ: „неудобъ всѣмъ бѣ носимъ Никонъ“, то и въ такомъ случаѣ не изверженію онъ повиненъ, а нужно всѣмъ „сыновнымъ повиновеніемъ и любовію молити его, да исправится во нравѣ своемъ; судити же его кто отъ насъ и како можетъ?“. По 9-му правилу Халкидонскаго собора Никонъ можетъ подлежать только суду Константинопольскаго патріарха, а никакъ не суду мѣстныхъ епископовъ, почему автору думается, „яко нелѣтъ намъ есть *по сихъ правилехъ* Никона судити и низложить, послѣдственнѣ же иного возвести, ему живу сушу“. Принимая во вниманіе однако то обстоятельство, что и каноническія правила и историческіе примѣры дозволяютъ на мѣсто епископа, оставившаго свою кафедру, избирать другаго, еще при жизни ушедшаго, можно и на мѣсто добровольно ушедшаго Никона, избрать другаго патріарха, но только, на основаніи историческихъ примѣровъ, подъ условіемъ сохраненія за Никонѣмъ архіерейства. „Подобаеть, говоритъ авторъ, Никона чести и служенія архіерейскаго не отчуждати, аще и безпрестолень будетъ. И тако видитмися Богу быти угодно, и оставившему престоль не безчестно, намъ безгрѣшно, и всему народу годѣ. Аще же въ чести сый оставленъ Никонъ промышлялъ бы что смятенія сотворити, симъ самымъ дѣломъ повиненъ будетъ чести и дѣйствія архіерейскаго отъ себе удаленія“.

Значить, не только самъ Никонъ считалъ себя единственно правомочнымъ лицомъ, могущимъ законно рукоположить новаго патріарха, но находились и другія лица, которыя считали даже возможнымъ возвратитъ самаго Никона на оставленную имъ патріаршую кафедру, а если и соглашались на избраніе новаго патріарха, то только подъ условіемъ сохраненія за Никонѣмъ достоинства и чести архіерейской.

Соборъ, по повелѣнію государя, занялся изысканіемъ подходящихъ каноническихъ правилъ и историческихъ примѣровъ, чтобы порѣшить вопросъ о томъ, какъ быть съ Никонѣмъ. Но всѣ произведенныя изысканія не привели однако ни къ чему строго опредѣленному и рѣшительному, такъ

какъ по однимъ правиламъ и примѣрамъ выходило, что можно архіерея, оставившаго свою кафедру, снова возвратить на свой престолъ, по другимъ,—что возвращать его не слѣдуетъ; по однимъ выходило, что оставившій престолъ архіерей, не долженъ болѣе архіерействовать, по другимъ,—что оставивъ добровольно свой престолъ, онъ всетаки долженъ остаться архіереемъ и архіерействовать. Большинство русскихъ архіереевъ, не любившее Никона, не желало не только его возвращенія на патріаршество, но и настаивало на самой крайней мѣрѣ,—лишеніи Никона архіерейства.

Въ виду разногласій на соборѣ по вопросу о дальнѣйшей судьбѣ Никона, государь приказалъ призвать на соборъ бывшихъ тогда въ Москвѣ греческихъ архіереевъ: Паренія еивскаго, Кирилла андресскаго и Некторія погорянинскаго съ тѣмъ, чтобы они сдѣлали выписки по дѣлу Никона изъ греческихъ правилъ и участвовали въ засѣданіяхъ собора. Греки выполнили это царское порученіе. Они, приводя въ примѣненіи къ отреченію Никона выписки изъ разныхъ соборныхъ правилъ, постановленій и толкованій на нихъ, а также разные историческіе примѣры, нашли, что Никонъ все дѣлалъ вопреки священнымъ правиламъ и законамъ, что онъ „естъ повиненъ и погрѣшенъ въ правилахъ святыхъ апостолъ и святыхъ соборовъ и въ законѣхъ самодержцевъ и приснопамятныхъ царей“. Къ этому выводу относительно Никона греческіе архіереи прибавляютъ и такое заявленіе: „явлено есть всѣмъ, яко отъ всѣхъ бывшихъ патріарховъ прежде на Москвѣ, инъ не возлюби насъ, грековъ, якожъ святѣйшій господинъ Никонъ патріархъ, и чину восточныя церквѣ не послѣдова инъ, якоже самъ онъ, и аще и есть другъ нашъ зѣло, но что можемъ сотворити отъ божественныхъ правилъ и законовъ; не возмогохомъ творити инако, токмо писати всю истину, яко повелѣвають божественныя законы и правила святыхъ апостолъ и святыхъ соборовъ и закони приснопамятныхъ и самодержцовъ царей“. Признавая, что хотя по всѣмъ правиламъ и законамъ добровольно отрекшійся отъ своего престола архіерей и не можетъ уже стремиться къ его возвращенію, однако въ этомъ дѣлѣ „стоитъ токмо власть и воля въ совѣтѣ и власти тишайшаго царя, собора и синклита: аще имъ есть нужный и потребенъ снисходити, паки призвати его на престолъ его *естъ воз-*

можно, якоже является въ писаніи, еже и бысть иногда“, т. е. греческіе архіереи заявляютъ, что та или другая судьба Никона зависитъ исключительно отъ воли и усмотрѣнія государя, который можетъ въ этомъ случаѣ поступать какъ ему благоугодно, не стѣсняясь правилами и законами, такъ какъ въ исторической церковной жизни бывало всякое. Въ то же время греческіе іерархи обращаются къ царю съ ходатайствомъ за Никона, „за не аще господинъ Никонъ въ прочихъ вѣдѣшнихъ вещахъ и во отреченіи своемъ погрѣши яко человекъ, но въ догматахъ благочестивые и православные вѣры бѣ благочестивѣйшій и правъ, и во апостольскихъ и отеческихъ преданіяхъ восточные церкви бѣ зѣло ревнитель, и сего ради, аще отъ престола своего самъ отринуся, достоинство же священства благоутробіемъ и человеколюбіемъ святаго твоего царства и святаго собора приличнымъ образомъ да имать священство за нѣкое малое утѣшеніе яко же повелитъ святое твое царство, и да не явимся тяжки въ томъ, молимъ великое твое царство“.

Такимъ образомъ, присутствовавшіе на соборѣ греческіе архіереи хотя и признали, что Никонъ по церковнымъ правиламъ и постановленіямъ, какъ ихъ нарушитель, долженъ быть лишень не только патріаршества, но и самаго архіерейства, однако все это дѣло они отдавали на волю и усмотрѣніе государя и собора, которые могли и не считаться съ церковными правилами и оставить за Никономъ архіерейство,—они, греческіе архіереи, даже особенно ходатайствуютъ объ этомъ предъ государемъ.

Главную роль въ рѣшеніи соборомъ 1660 года дѣла о Никонѣ сыграло приведенное греческими архіереями 16-е правило двукратнаго собора: „безумно убо есть епископства отрѣшися, держати жъ священства“, и приведенное греческими архіереями мнѣніе Матвѣя Властаря: „который архіерей отречется престола своего и стада своего, да обнажится абіе и священства своего“. На основаніи главнымъ образомъ этого правила и его толкованія Властаремъ соборъ изъ русскихъ и греческихъ архіереевъ въ концѣ концовъ постановилъ: „чужду быти Никону патріаршескаго престола и чести, вкупѣ и священства, и ни чимъ не обладати“. Греческіе архіереи, ранѣе ходатайствовавшіе предъ царемъ, чтобы за Никономъ сохранено было достоинство архіерея,

теперь отступились отъ своего первоначальнаго мнѣнія и окончательно примкнули къ мнѣнію тѣхъ, которые желали лишить Никона не только патріаршества, но и архіерейства. Это обстоятельство нарочито подчеркиваетъ соборное дѣяніе, которое сказавъ, что государь приказалъ призвать на соборъ бывшихъ тогда въ Москвѣ греческихъ архіереевъ съ тѣмъ, чтобы они сдѣлали о Никонѣ выписки изъ греческихъ правилъ, далѣе говоритъ: „они же, гречестіи архіереи, выписаша изъ правилъ святыхъ отецъ во всемъ согласно съ преосвященнымъ російскимъ соборомъ, и единомысленно рекоша Никона, бывшаго патріарха, чужда быти архіерейства и чести и священства, и ничимъ же обладати, и на его мѣсто иного архіерея возвести, и руками своими подкрѣпиша“.

Повидимому греческіе архіереи, присутствовавшіе на соборѣ 1660 года, сначала хотѣли было стать на сторону Никона, какъ всѣмъ извѣстнаго грекофила, но потомъ, въ виду очевиднаго желанія русскихъ архіереевъ и бояръ низложить и окончательно унижить Никона, сочли для себя болѣе благоразумнымъ и выгоднымъ перейти на сторону противниковъ Никона и, въ концѣ, примкнули къ партіи лишившей Никона не только патріаршества, но и священства. Въ этомъ направленіи они пошли даже далѣе. Всячески желая выслужиться предъ московскимъ правительствомъ, они подали государю особыя мнѣнія, въ которыхъ каждый изъ нихъ такъ или иначе старался обвинить и унижить Никона, ранѣе ими же признаннаго за выдающагося грекофила. Такъ одинъ изъ грековъ, вѣроятно аѳонскій архимандритъ Діонисій, жившій въ Москвѣ, заявляетъ царю, что нѣкоторые, или руководясь дружбою къ бывшему патріарху Никону, или хорошо не понимая церковныхъ правилъ, „скорбятся о низверженіи Никона“ и ссылаются на примѣръ современныхъ константинопольскихъ патріарховъ, которые, оставивъ патріаршій престолъ, остаются однако архіереями, получаютъ въ свое управленіе епархіи, а иногда и снова возвращаются на оставленную ранѣе патріаршую кафедру. Авторъ грекъ по этому поводу говоритъ, что константинопольскіе патріархи оставляютъ свой престолъ неволею, вслѣдствіе гоненія турокъ, оставляютъ престолъ, чтобы не причинить патріархіи и всей греческой церкви великихъ бѣдъ и убытковъ отъ

турокъ, и потому-то такимъ отъ турецкихъ насилій убѣгающимъ патріархамъ, греческіе соборы и даютъ какія либо епархіи на прокормленіе, или, по минованіи бѣды, возвращаютъ ихъ снова на патріаршіи престолы. Все это сейчасъ дѣлается у грековъ не по правиламъ и законамъ церковнымъ, а вопреки имъ, дѣлается единственно по неизбѣжной необходимости, для предохраненія греческой церкви отъ великихъ насилій и притѣсненій со стороны турокъ. Русскимъ, въ этомъ случаѣ, никакъ не слѣдуетъ руководиться примѣромъ современной греческой церкви, а имъ слѣдуетъ руководиться только священными правилами и законами, отступать отъ которыхъ въ православной Руси рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній. Въ другомъ заявленіи царю, поданнымъ греческими архіереями, они говорятъ, что вполне законно и справедливо будетъ со стороны царя избрать на мѣсто Никона новаго патріарха съ тѣмъ, чтобы о вновь избираемомъ произведено было предварительное испытаніе, „да обрящется праваго житія и правыя вѣры, человекъ благочестивѣйшій во всѣхъ составахъ вѣры и ревнитель апостольскихъ и отеческихъ догматовъ же и преданій святыхъ восточныхъ Христовы церкви, и да будетъ благоугоденъ Богу, а не токмо человекомъ“. Новый поставляемый патріархъ долженъ *„покоряться и почитать четырехъ столповъ и свѣтильниковъ вселенныхъ,—четыре, глаголю, патріарховъ, и почитать ихъ паче себе, яко же прежнихъ (т. е. старшихъ) себѣ братьевъ и отцевъ; онъ долженъ избираться не по жребію, такъ какъ при такомъ порядкѣ выборовъ можетъ случиться содѣйство дьявольское и падеть жребій на единого непотребнаго и худаго“*, но соборъ долженъ избирать трехъ лучшихъ, достойнѣйшихъ мужей, изъ которыхъ царь и избираетъ одного, кто изъ нихъ представляется ему лучшимъ.—Хіосскій архіепископъ Кириллъ пишетъ государю, что Никонъ, руководясь чрезмѣрною своею гордостью, „просяше грамоты отъ царствія твоего пребеззаконныя на возвышеніе нелѣпое свое“, и царь, по своей простотѣ, давалъ Никону такія грамоты. Въ этомъ случаѣ „высокосердый сый (Никонъ) начало закона бысть преступникъ и отрицатель закона и, еже лютѣйшее: яко уча иныхъ, себе не учае и не подражаше владыкѣ Христу, глаголющему: большій васъ да будетъ вамъ слуга; и иже аще хочетъ первый быти въ

васъ, да будетъ вамъ рабъ“. Архіепископъ-грекъ говоритъ, что Никона „ослѣпи гордость, возлюби бо паче славу чловѣческую, нежели славу Божию. вся бо дѣла творяше, во еже видитися отъ чловѣковъ. Любяше бо первосѣданіе въ вечерахъ и первовозлеганіе и зватися отъ чловѣкъ равви. Владыка Христось учаше ученики своя смиренію, а той величаніямъ; Христось не памятозлобію, а той памятозлобію; Христось излія кровь свою насъ ради, а той не претерпѣ ниже студное; Христось учаше: да покорятся царемъ, а той противляшеся цареви, ослѣпи бо его злоба; сего ради пріять по дѣломъ своимъ“. Въ виду этого архіепископъ совѣтуеть государю поставить „иного патріарха законнаго и соборнаго“ ¹⁾).

Рѣшеніе собора греческихъ и русскихъ іерарховъ, что Никонъ долженъ быть лишень не только патріаршества, но и архіерейства, было представлено на благоусмотрѣніе государя, который, „разсуждая премудре, благоразсуднѣ и праведнѣ съ своимъ царскимъ синклитомъ“ т. е. передавъ соборное рѣшеніе на обсужденіе боярской думы подъ своимъ предсѣдательствомъ, повелѣлъ соборное дѣяніе о Никонѣ и о поставленіи новаго патріарха на его мѣсто скрѣпить собственноручною подписью всѣхъ членовъ собора, въ Успенскомъ соборѣ, въ своемъ присутствіи и при всемъ царскомъ синклитѣ, что и было сдѣлано.

Казалось, вопросъ о Никонѣ былъ рѣшенъ теперь окончательно: слѣдовало, согласно соборному постановленію, признавъ Никона лишенымъ патріаршества и самаго архіерейства, немедленно приступить къ избранію новаго патріарха. Но этого не случилось по слѣдующимъ обстоятельствамъ.

Епифаній Славинецкій, какъ мы видѣли, не былъ противъ избранія новаго патріарха на мѣсто Никона, но онъ при этомъ настаивалъ, чтобы за Никономъ оставлено было достоинство архіерея. Но когда присутствовавшіе на соборѣ греческіе іерархи привели 16 правилу двукратнаго собора: безумно убо есть епископства отрещися, держати жъ священства, онъ долженъ былъ уступить, и наравнѣ съ другими подписался подъ опредѣленіемъ собора, лишившимъ Никона не только патріаршества, но и самаго священства.

¹⁾ Подлин. дѣло о п. Никонѣ, 72—83, 85—87. Гиб. I, 203, 206 211, 220

Однако Епифаній рѣшился провѣрить приведенное греками соборное правило и оказалось, что такого правила вовсе нѣтъ ни въ греческихъ, ни въ славянскихъ книгахъ. Тогда Епифаніи подалъ государю особое заявленіе, въ которомъ писалъ: „грекове на соборѣ изъ своей книги греческія сія реченія прочтоша: безумно убо есть епископства отрещися, держати жъ священства, и рекоша сія реченія быти правило шестонадесятое перваго и втораго собора. И азъ разумѣхъ истинное быти правило перваго и втораго собора, не дерзнухъ прекословити и изволеніе свое дахъ на низверженіе Никона, бывшаго патріарха. Но сія сотвориохъ сего ради, яко прелстихся греческимъ реченіямъ, яже ни въ словенскихъ, ни въ греческихъ правилѣхъ не обрѣтаются. Сего ради, понеже истинное правило греческое прочтохъ и сихъ реченіе: безумно бо есть епископства отрещися, держати жъ священства, не обрѣтохъ, изволенія моего на низверженія Никона, бывшаго патріарха, отрицаюся, яко неправильнаго и неправеднаго, и каюся“. Понятно, что это заявленіе Славинецкаго должно было произвести сильное впечатлѣніе на государя и поколебать его рѣшимость немедленно привести въ исполненіе соборное постановленіе о Никонѣ. Были подобнаго же рода и другія обстоятельства.

На соборѣ 1660 года присутствовалъ архимандритъ полоцкаго Борисоглѣбскаго монастыря Игнатій Левлевичъ. 10-го мая онъ обратился къ отцамъ собора съ рѣчью, въ которой доказывалъ, что дѣло на соборѣ о Никонѣ ведется неправильно, такъ какъ, по его мнѣнію, требуется, „да на соборѣ бывшій пастырь (Никонъ) призванъ будетъ, или чрезъ посланныхъ къ нему истязанъ о винахъ оставленія престола его архипастырскаго... Не спросивше же у него соборнѣ вины оставленія, возвести иного, мню, невозможно“. Архимандритъ указываетъ и на другое обстоятельство, подрывающее значеніе дѣяній собора 1660 года, именно: „мню, говоритъ онъ, яко бы лучше согласится совѣту освященнаго собора съ большимъ совѣтомъ великія церкви Константинополя, новаго Рима и со вселенскимъ патріархомъ... Судилища же совершеннаго о немъ (Никонѣ) разрѣшите правильно, мню, отнюдь невозможно, развѣ по согласію съ большимъ соборомъ церкви великія константинопольскія и со вселенскимъ патріархомъ“. Естественно, что это заявле-

ніе Игнатія Іевлевича, что судить и низлагать Никона имѣеть право только константинопольскій патріархъ съ своимъ соборомъ, а не соборъ однихъ мѣстныхъ епископовъ, необходимо опять производило впечатлѣніе на царя и тоже побуждало его не приводить въ исполненіе постановленій собора 1660 года о Никонѣ.

Наконецъ и патріархъ Никонъ, съ своей стороны, отнесся къ собору 1660 года прямо отрицательно, какъ къ собору незаконному, не имѣвшаго никакого права судить его. Въ своемъ посланіи къ Паисію Лигариду въ іюнѣ 1662 года, когда Никонъ еще надѣялся найти въ немъ своего доброжелателя и сторонника, онъ писалъ Паисію: „и собралъ царь всѣхъ архіереевъ, яже суть здѣ, и не сказа имъ о яже суть вышеописанномъ ничто же о нашемъ отшествіи, но сотвори написати скаски лживыми нѣкоими человекы у себя въ царскихъ палатахъ, инѣхъ же и муками устрашая повелѣлъ написати, что будто волею мы оставили престоль. съ клятвою, еже отъ нѣкихъ глаголется, яко и мзду архіереемъ, архимандритомъ и игуменомъ царь того ради давалъ, яко да припишутъ на мя руки, да не буду патріархомъ; они же, послушавши царя, сотвориша якоже годно его царскому величеству“. Когда астраханскій архіепископъ Іосифъ, посланный соборомъ 1660 года къ Никону передать ему рѣшеніе собора, явился въ Воскресенскій монастырь къ Никону, послѣдній „почалъ бранить: какой-де у васъ освященный соборъ и кто-де вамъ указалъ его собирать? тотъ-де вашъ соборъ накупной, или—жидовское сонмище“. Въ своихъ возраженіяхъ на отвѣты Лигарида Никонъ выражается о соборѣ 1660 года: „сей соборъ бывшій не точію сонмищемъ іудейскимъ достойно нареци, но и бѣсовскимъ, яко не по правиламъ собранъ, тако же и соборованіе все по цареву указу дѣлали, яко же онъ хотѣлъ“. Конечно соборъ 1660 г. Никонъ имѣлъ въ виду, когда писалъ константинопольскому патріарху Діонисію: „и егда повелить царь быти собору, тогда бываетъ... и кого велить судити и обсуждати, и они судятъ и осуждаютъ и отлучаютъ“¹⁾.

Въ виду указанныхъ разногласій относительно Никона,

¹⁾ Гиб I, 213. Древн. вивліюв. т III, стр. 341. Рукопись Бѣляева, л. 96 об. Зап. рук арх общ. II, 527

проявившихся на соборѣ 1660 года, и особенно въ виду протестовъ противъ осужденія Никона со стороны Славинецкаго и Игнатія Левлевича, а также не признанія дѣяній собора 1660 года правильными и законными самимъ Никомъ, правительство принуждено было признать соборъ 1660 года неудавшимся и отказаться отъ приведенія въ исполненіе состоявшагося на немъ постановленія о конечномъ низверженіи Никона и выборѣ на его мѣсто новаго патріарха, благодаря чему вопросъ о Никонѣ попрежнему оставался открытымъ. Тогда за рѣшеніе этого вопроса взялся извѣстный газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ.

Въ XVII вѣкѣ въ Москву не мало пріѣзжало греческихъ іерарховъ разныхъ каедръ, не исключая самихъ патріарховъ, чтобы получить отъ русскаго правительства милостыню въ пользу своихъ бѣдствующихъ подъ турецкимъ игомъ епархій. Нѣкоторые изъ этихъ іерарховъ милостынесобирателей пріѣзжали въ Москву съ цѣлю остаться въ ней навсегда—„на государево имя“, какъ тогда говорили. Оставались на житье въ Россіи, или по долгу жили въ ней, обыкновенно тѣ іерархи, которымъ почему либо плохо жилось дома, или которые по разнымъ причинамъ теряли свои каедры и искали пріюта въ другомъ мѣстѣ. Особенно охотно они направлялись въ Молдавію, Валахію, Трансильванію, Южную Русь и, наконецъ, въ далекую Москву. На Россію они смотрѣли какъ на страну, гдѣ умный, сравнительно образованный, ловкій и оборотливый иностранецъ-единовѣрецъ, искусно разыгрывая роль гонимаго безбожными и жестокими огарянами страдальца, съ успѣхомъ можетъ занять въ невѣжественномъ русскомъ обществѣ видное вліятельное положеніе, быстро составить себѣ состояніе и, приблизившись къ московскому двору, при его посредствѣ, даже поправить свое пошатнувшееся положеніе на родинѣ. Именно перспектива быстрой и значительной наживы, перспектива почета и вліянія даже на востокѣ, ради своей близости къ московскому правительству, привлекала къ намъ не мало честолюбцевъ, которымъ на родинѣ уже не было ходу, разныхъ предприимчивыхъ искателей легкой и быстрой наживы, которые дома не находили подходящаго себѣ поприща, или по неволѣ должны были оставить родину. Между этими выходцами, оставшимися на болѣе или менѣе продолжитель-

ное время въ Москвѣ, очень мало было такихъ лицъ, которыя бы переселялись въ Россію съ цѣлю принести какую-либо дѣйствительную пользу пріютившей ихъ странѣ, особенно нуждавшейся въ людяхъ образованныхъ и ученыхъ. Въ Москвѣ единовѣрныхъ выходцевъ съ востока принимали очень радушно, награждали щедро милостынею и оказывали имъ всякое благоволеніе. Къ числу такихъ бродячихъ, не ужившихся дома архіереевъ, которымъ „не подобаешь возлагать на себя ни епитрахили, ни омофора“, принадлежалъ и газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ.

Паисій былъ человѣкъ довольно образованный и даже ученый, человѣкъ ловкій, умный, находчивый и при этомъ, какъ воспитанникъ іезуитовъ, нравственно очень гибкій и податливый гречанинъ, способный приладиться ко всякой данной средѣ и обстановкѣ, умѣвшій сдѣлаться нужнымъ и необходимымъ для тѣхъ, кто былъ нуженъ ему самому, отъ кого онъ надѣялся получить какія либо выгоды для себя. Въ Москвѣ—этотъ воспитанникъ іезуитовъ, этотъ бросившій свою епархію архіерей, равнодушный къ православію и даже измѣнявшій ему, ловко умѣлъ разыгрывать роль строгаго поборника православія, ревнителя православныхъ церковныхъ правилъ и постановленій, суроваго обличителя малѣйшихъ уклоненій отъ православныхъ преданій и обычаевъ, причемъ онъ искусно выдвигалъ на видъ свой ученый авторитетъ тамъ, гдѣ этого требовали его личные интересы, гдѣ ему нужно было произвести своею ученостію извѣстное впечатлѣніе на русскихъ, особенно на государя. Вообще Паисій былъ довольно даровитый и образованный архіерей-авантюристъ, способный на всѣ руки и на всѣ послуги, за которыя ему хорошо платятъ. Какъ и большая часть подобныхъ выходцевъ, Паисій пріѣхалъ въ Москву съ цѣлю попытать счастья въ этой варварской, но богатой странѣ, гдѣ его умъ, ученость, іезуитская ловкость и изворотливость, должны были обезпечить ему блестящую карьеру, уже болѣе невозможную для него на православномъ востокъ. Паисій ѣхалъ въ Москву съ опредѣленными цѣлями, общими впрочемъ ему съ другими выходцами: приобрести въ Россіи, какими бы то ни было средствами, по больше денегъ, заручиться расположеніемъ къ себѣ московскаго двора и, при его содѣйствіи, возстановить свое незавидное,

совсѣмъ уже пошатнувшееся положеніе на востокѣ. О средствахъ къ достиженію этихъ цѣлей, особенно о нравственномъ ихъ характерѣ, Паисій не задумывался. Онъ прибылъ въ Москву (12-го февраля 1662 года) въ самое горячее время, когда дѣло о Никонѣ все болѣе и болѣе запутывалось, когда Московское правительство чувствовало свое полное безсиліе такъ или иначе порѣшить это дѣло и потому крайне нуждалось въ человѣкѣ, который бы помогъ ему выйти изъ затруднительнаго положенія. Паисію Лигаридѣ и былъ именно такимъ человѣкомъ, способнымъ взяться за всякое дѣло, особенно которое сулило ему всевозможныя выгоды, почетъ и вліяніе. Онъ сразу понялъ выгоды своего положенія между двухъ борющихся сторонъ и, какъ и слѣдовало ожидать отъ него, немедленно присталъ къ сильнѣйшей правительственной партіи, сталъ душою и руководителемъ всѣхъ враговъ Никона, дѣло котораго, какъ онъ хорошо видѣлъ, было уже окончательно проиграно. Онъ скоро успѣлъ овладѣть полнымъ расположеніемъ и довѣріемъ къ себѣ самого государя, у котораго въ нѣкоторой степени даже занялъ мѣсто прежняго „собяннаго друга“. такъ что Алексѣй Михайловичъ, по свидѣтельству самого Никона, сталъ слушать во всемъ Лигарида и почитать его какъ „пророка Божія“. Это понятно: вкрадчивый, очень гибкій и льстивый гречанинъ, желавшій только всячески угождать царю, представлялъ полную противоположность съ суровымъ, гордымъ, неуступчивымъ и притязательнымъ Никономъ, и потому ему не трудно было пріобрѣсти расположеніе и любовь мягкого и привязчиваго царя, нравственно измученнаго продолжительнымъ столкновеніемъ съ Никономъ, искавшаго опоры, успокоенія, оправданія своему поведенію въ этомъ дѣлѣ. Никто не могъ лучше Паисія успокоить встревоженнаго, неувереннаго въ своей правотѣ царя, оправдать его въ своихъ собственныхъ глазахъ, сообщить ему, колебавшемуся, нравственную устойчивость и рѣшительность. Паисій пустилъ въ ходъ всю свою ловкость и изворотливость, все свое остроуміе и находчивость, весь запасъ своихъ научныхъ знаній, чтобы во всемъ оправдать царя и, наоборотъ, во всемъ обвинить Никона. Причина нелюбви между царемъ и патриархомъ, причина всѣхъ церковныхъ смуть и нестроений заключается единственно въ Никонѣ,—вотъ въ чемъ всѣми

средствами старался Паисій убѣдить царя, чтобы умиротворить, успокоить его встревоженную совѣсть. Понятно, что царь искренно и глубоко былъ благодаренъ тому человѣку, который всячески старался снять съ его души тяжелое, давившее его бремя ссоры съ бывшимъ его „собиннымъ другомъ“, что онъ сталъ чувствовать къ Паисію особое довѣріе и расположеніе, готовъ былъ сдѣлать для него все возможное.

Паисій не замедлилъ воспользоваться расположеніемъ къ себѣ царя, чтобы извлечь отсюда всевозможныя выгоды. Цѣлый рядъ челобитныхъ царю съ самыми разнообразными требованіями ярко рисуютъ намъ Паисія съ этой стороны. Немедленно, по своемъ прибытіи въ Москву, Паисій проситъ государя откупить христіанъ его области отъ турокъ, съ которыми онъ уговорился-де давать имъ окупу за христіанъ ежегодно по 500 ефимковъ, и проситъ вручить ему эту сумму, „чтобъ мнѣ, богомольцу твоему, изъ области своей изгнану не быть, и православныхъ христіанъ моего области нечестивые турки не обратили бѣ въ свою турецкую вѣру“. Чтобы понять истинный смыслъ этой челобитной, нужно знать, что Паисій въ это время уже не былъ дѣйствительнымъ газскимъ митрополитомъ, такъ какъ уже давно бросилъ на произволъ свою митрополию, за что, между прочимъ, и былъ лишенъ самага архіерейства іерусалимскимъ патриархомъ Паисіемъ. Просьба со стороны Лигарида денегъ у государя на выкупъ его епархіи отъ турокъ была наглымъ обманомъ, безцеремонною, въ видахъ наживы, эксплуатаціею довѣрія и расположенія къ нему государя.—Въ томъ же году Паисій, въ особой челобитной государю, желаетъ повѣдать ему о своей скудости, что отпускаемаго ему жалованья и корму достаточно только для него одного, а между тѣмъ при немъ находятся нѣсколько служекъ и три лошади, которыхъ кормить ему нечѣмъ, и потому проситъ государя прибавить ему жалованья, что бы ему людей своихъ и лошадей съ голода не поморить, вслѣдствіе наступившей дороговизны. Во второй челобитной проситъ себѣ у государя архіерейскія одежды, саккоса и митры. Эти требованія не только были удовлетворены, но государь еще пожаловалъ Паисію „кафтаны камчатнай холодной смирной камки, да рясу суконную черную на бѣлкахъ, сверхъ того, что ему жѣ

дана шуба соболя подъ камкою“. Въ слѣдующемъ году Паисій обращается къ царю съ цѣлымъ рядомъ челобитныхъ, въ которыхъ просить пожаловать ему карету и лошадей вмѣстѣ съ новыми шлеями, потому что старыя прогнили: просить дать жалованье его дьякону Агаѳангелу и обмѣнять ему 250 рублей мѣдныхъ на серебряные, заявляетъ царю въ особой челобитной, что онъ прѣѣхалъ въ Москву просить милостыни „на уплату съ епархіи моеѣ податей іерусалимскому патріарху Нектарію и туркамъ и себѣ на пропитаніе“. Но вотъ, по царскому указу, онъ живетъ въ Москвѣ уже цѣлыхъ три года, „и нынѣ мнѣ, богомольцу твоему, вѣдомо учинилось, что ерусалимскій патріархъ на меня зѣло гнѣвенъ за то, что я многое время, оставя епархію, живу на Москвѣ, а безъ меня епархіи моеѣ пасти некому, да ему, патріарху, и турку никакія подати въ епархіи моеѣ не плачены, да живущіе въ епархіи моеѣ заняли на нужные расходы многія деньги“—1700 ефимковъ, которые онъ и просить царя выдать ему для уплаты податей патріарху, туркамъ и долговъ епархіи. Въ другой челобитной Паисій просить, чтобы царь далъ ему милостыню золотомъ „для ради легкости послать доведетца“. По этой челобитной царь велѣлъ дать Паисію для уплаты епархіальнаго долга, податей патріарху, туркамъ вмѣсто 1700 ефимковъ „850 золотыхъ червонныхъ одинокихъ“. Такъ умѣлъ Паисій выманить у царя крупныя суммы, разыгрывая предъ нимъ роль заботливаго архипастыря о своей бѣдствующей паствѣ, которой онъ въ дѣйствительности уже не имѣлъ. Паисій не пренебрегалъ и другими средствами наживы, какія были возможны при его особенно вліятельномъ положеніи при дворѣ. Въ одномъ докладѣ посольскаго приказа государю говорится: „великому государю бьетъ челомъ газской митрополитъ Паисій: хотѣлъ-де онъ купить соболей и послать въ свою митрополию(?), и пришель-де къ нему Юрьи греченинъ, взялъ у него денегъ двѣсти рублевъ серебряныхъ, а взялся принести къ нему соболей, и онъ-де къ нему соболей и денегъ не принадлевалъ; и великій государь пожаловалъ бы его, велѣлъ ему, Юрью, соболи или деньги къ нему принести“. Этотъ докладъ показываетъ, что Паисій, подобно многимъ другимъ прѣѣзжимъ въ Москву грекамъ, занимался торговлею. По дешевымъ цѣнамъ покупалъ онъ въ Москвѣ

соболей и отсылалъ съ довѣренными греческими купцами, или такъ называемыми „племянниками“, въ Константинополь, гдѣ они и продавались съ значительнымъ барышомъ. Но мало того, что Паисій велъ торговлю, онъ еще занимался торговымъ маклерствомъ. Въ одной челобитной царю онъ ходатайствуетъ за грека купца, съ которымъ „послапо изъ Константинополя отъ соборной церкви продать здѣсь, въ Москвѣ, узорочныхъ товаровъ: каменя и иного узорочнаго товару, чѣмъ бы ей бѣдной церкви заплатить долгъ“; эти церковные товары взялъ у довѣреннаго лица другой грекъ купецъ и не платитъ за нихъ денегъ; Паисій проситъ взыскать ихъ. Въ 1663 году Паисій проситъ государя въ челобитной, что бы онъ велѣлъ пропустить въ Москву нѣсколько торговыхъ грековъ, прѣѣхавшихъ въ Путивль съ товарами. Въ самой Москвѣ онъ вступается въ споры торговыхъ грековъ между собою, принимаетъ одну сторону, оправдываетъ ее, пишетъ за нее къ царю челобитныя, обвиняетъ другую м. т. под. Конечно все это дѣлаетъ Паисій недаромъ. И менѣе честными средствами онъ не пренебрегалъ, чтобы по больше нажитья въ Москвѣ. Изъ Соловокъ, какъ мы упоминали выше, по ходатайству Паисія, былъ возвращенъ ранѣ сосланный туда іеродіаконъ грекъ Агаѣангель, который и поступилъ въ Москвѣ на житье къ Лигариду. Послѣдній подаетъ царю челобитную, въ которой заявляетъ, что будто бы у Агаѣангела, когда онъ отправлялся въ ссылку на Соловки, осталась въ Московскомъ Никольскомъ монастырѣ коробка, а въ ней 250 мѣдныхъ рублей, которые (мѣдные рубли) ходили тогда за серебряные. Сердобольный Паисій проситъ теперь царя обмѣнить эти мѣдные рубли на серебряные. Но не трудно видѣть, что Агаѣангель, успѣвшій потомъ обокрасть самого Лигарида, никогда бы не оставилъ въ монастырѣ въ коробкѣ, отправляясь въ далекую ссылку на неопредѣленное время, такую крупную для тогдашняго времени сумму, какъ 250 рублей. Просто Паисій и Агаѣангель купили старые мѣдные рубли, какъ мѣдные, и рѣшились получить за нихъ серебряные рубли, а барыши отъ этой продѣлки подѣлили между собою. Вотъ, на примѣръ, еще одно дѣло, которое ярко рисуетъ намъ самаго Паисія и его близкихъ лицъ. Въ августъ 1669 года въ Москву прибылъ Никольскаго мутьянскаго монастыря архимандритъ

Христофоръ. На допросѣ оный назвался племянникомъ александрійскаго патріарха Паисія и заявилъ, что оный, когда пріѣхалъ въ Бѣлгородъ, то, по порученію митрополита Θεодосія и воеводы Петра Скуратова, ѣздилъ въ Чигиринъ къ гетману Дорошенкѣ просить объ отпускѣ удерживаемыхъ гетманомъ русскихъ плѣнныхъ и что гетманъ, ради слезнаго его прошенія, отпустилъ до семидесяти знатныхъ и простыхъ русскихъ плѣнныхъ. Въ Москвѣ, жившій у Паисія дьяконъ Агаѳангель, потребовалъ отъ архимандрита взятки, обѣщая за взятку „промыслить великаго государя жалованья на 1000 рублей“. Когда архимандритъ отказался отъ этого предложенія, то Агаѳангель подговорилъ двухъ волошанъ заявить правительству, что оный, Христофоръ, архимандритъ не настоящій, а затѣмъ, вмѣстѣ съ племянникомъ Лигарида, отнялъ силою у архимандрита коробку съ цѣнными вещами и поставилъ ее у Паисія. Въслѣдствіе жалобы архимандрита Паисій былъ спрошенъ относительно стоящей у него коробки. Но оный заявилъ, что никакой коробки у него не было и нѣтъ, а за доносъ „архимандрита бранить и бить хотѣлъ“. Но украденная коробка, вмѣстѣ съ нѣкоторыми вещами архимандрита, была дѣйствительно найдена у Паисія. Тогда, по указу государя, дьякъ посольскаго приказа говорилъ Паисію, „чтобъ оный, митрополитъ, и достальные архимандритовы животы, золотые, и ефимки, и соболи, и перстенъ велѣлъ сыскать, сыскавъ, прислать въ посольскій приказъ“. Въ виду явныхъ уликъ противъ него Паисію оставалось одно—обидѣться, что оный и сдѣлалъ: „и газскій митрополитъ подъячему Максиму Бурцеву сказалъ, что у него дьяконовыхъ животовъ Агаѳангела никакихъ нѣтъ и не было, а что де къ нему, митрополиту, для такова дѣла присылаютъ и тѣмъ-де ево, митрополита, безчестятъ, а что-де племянникъ его Николай не дѣлаеть, и о томъ съ нимъ, митрополитомъ, не спрашивается“.

Русское правительство, въ виду множества обращавшихся къ нему за милостынею восточныхъ христіанъ, постоянно нуждалось въ такихъ лицахъ, которыя бы могли давать ему свѣдѣнія относительно пріѣзжающихъ въ Москву просителей милостыни, и охотно поэтому прибѣгало къ посредству выѣзжихъ на житье въ Москву греческихъ духовныхъ особъ. Паисій Лигаридъ, прибывъ въ Москву, немедленно взять на

себя роль представителя и защитника грековъ и греческихъ интересовъ въ Москвѣ. Прибывъ въ Москву въ февралѣ 1662 года, Паисій уже въ апрѣлѣ выступаетъ ходатаемъ за одного грека—Юлія Харитонова, а это показываетъ, что онъ сразу, по прибытіи въ Москву, занялъ здѣсь видное и вліятельное положеніе и принялъ подъ свою защиту интересы разныхъ грековъ. Въ томъ же году Паисій, вмѣстѣ съ погоянинскимъ архіепископомъ Нектаріемъ и иверскимъ архимандритомъ Діонисіемъ, ходатайствуетъ за двухъ грековъ, сосланныхъ въ Казань, чтобы ихъ возвратили въ Москву, а затѣмъ проситъ о благородномъ юношѣ, грекѣ Павлѣ Колетинѣ, который поступилъ на государеву службу, чтобы ему пожалованъ былъ дворъ „ради природной его чести и страннаго житія отца его“; „а мы бы, государь, заявляютъ челобитчики, возрадовалися, чтобы нашъ смиренный родъ у тебя, великаго государя, въ презрѣніи и забвеніи не былъ, и наше оъ моленіе вотще не было жъ“. Въ томъ же году Паисій уже однолично ходатайствуетъ за архимандрита Предтеченскаго, близъ города Серры, монастыря Леонтія. Этотъ Леонтій соединился съ Паисіемъ еще въ Молдавіи и вмѣстѣ съ нимъ прибылъ въ Москву, при чемъ успѣлъ оказать Паисію очень важную услугу: написалъ для него, какъ объ этомъ говорить въ послѣдствіи грамота іерусалимскаго патріарха, подложная грамоты, съ которыми Паисій и явился въ Москву. Въ благодарность за эту услугу Паисій взялся выхлопотать у царя Леонтію прибавку къ данной милостынѣ, въ чемъ дѣйствительно и успѣлъ. Въ 1664 году Паисій, Θεодосій, Нектарій и Аѳанасій иконійскій подають государю коллективную челобитную о милостынѣ греку, у котораго сгорѣла въ Константинополѣ лавка, а въ ней чужое платье, которымъ грекъ торговалъ. Но особенно замѣтно вліяніе Паисія и компаніи сказалось въ двухъ слѣдующихъ случаяхъ. Въ іюнѣ 1663 года возникло дѣло объ архимандритѣ Костамонитскаго аѳонскаго монастыря Теофанѣ, который безъ царскаго позволенія ѣздилъ къ Никону въ Воскресенскій монастырь и передалъ ему грамоту отъ всѣхъ аѳонскихъ монастырей и мощи священномученика Власія. Теофанъ былъ сторонникомъ Никона и врагомъ Лигарида, съ которымъ у него были столкновенія еще въ Молдавіи, почему онъ, хорошо зная прошлое Лигарида, поспѣшилъ сообщить о немъ свѣдѣнія

Никону, который, опираясь на данныя, сообщенныя ему Теофаномъ, открыто сталъ называть Паисія не настоящимъ митрополитомъ, а латынникомъ. Теофанъ жестоко поплатился за свое сочувствіе къ Никону и вражду къ Паисію. Онъ былъ арестованъ и переданъ въ руки врага своего—Паисія, который „его и наказывалъ и отъ всякаго дурна унималъ, и онъ де учинился ему непослушенъ“. Теофанъ былъ сосланъ въ Кирилловъ монастырь, при чемъ наше правительство сочло нужнымъ узнать относительно этаго обстоятельства мнѣніе греческихъ властей. „Во 172 году, декабря въ 17 день. по приказу думнаго дьяка Алмаза Иванова, подъячей Ивашко Истомина посланъ къ греческимъ властямъ: къ митрополиту газскому Паисію, да къ сербскому Θεодосію, да къ поговянинскому архіепископу Нектарію и съ ними поговорить, что, по указу великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеи великія и бѣлыя и малыя Россіи самодержца, декабря въ 12 день посланъ въ Кирилловъ монастырь архимандритъ Теофанъ *и въ томъ имъ нѣтъ ли какого сумнѣнія*, а за что онъ, архимандритъ, по указу царскаго величества, сосланъ, и въ томъ имъ велѣно объявить“. Греческія власти нашли, что Теофанъ сосланъ за дѣло, но бывшіе при немъ старцы невинны, почему ихъ велѣно было возвратить въ Москву. — Другой случай. Въ апрѣлѣ 1665 года малороссійскій гетманъ прислалъ въ Москву подъ крѣпкимъ карауломъ варискаго митрополита Даніила съ обвиненіемъ его въ томъ, что будто бы онъ, живя въ Малороссіи, подговаривалъ казаковъ, что бы они по прежнему приняли польское подданство. На допросѣ Даніиль показалъ: онъ-де ранѣе, въ 1658 году, пріѣзжалъ въ Москву и получилъ здѣсь милостыню, но на возвратномъ пути его ограбили турки, почему онъ вторично поѣхалъ на Русь. Въ то время въ Чигиринѣ гетманомъ былъ Юрій Хмѣльницкій, который, надѣливъ его милостынею и одеждою, отпустилъ его въ городъ Лысенку на прокормленіе, и онъ прожилъ въ тамошнемъ греческомъ монастырѣ четыре года. Когда гетманомъ сдѣлался Иванъ Брюховецкій, Даніиль пріѣзжалъ къ нему въ Коневъ, куда изъ Лысенки писалъ къ гетману тамошній полковникъ о митрополитѣ, питая къ нему недружбу, будто онъ, живя въ Лысенкѣ, подговаривалъ казаковъ поддаться польскому королю, а у него не только въ

мысли ничего такого не было, но онъ не знаетъ даже ни языка черкаскаго, ни грамоты. Между тѣмъ гетманъ послалъ его въ Москву, гдѣ онъ и поселеяъ былъ „въ убогихъ дому“ и тутъ терпитъ неволю многое время невѣдомо за что, ибо вѣдаеть де и гетманъ, что онъ, живя въ черкасахъ, много терпѣлъ отъ измѣнниковъ, только де въ томъ воля великаго государя, будто онъ согрѣшилъ, а чаеть онъ, митрополитъ, что гетманъ великаго государя объ немъ не извѣстилъ, а какъ извѣститъ, то чаеть къ себѣ царской милости и свободы, а теперъ не дають ему жалованья царскаго и кормятъ въ монастырѣ. За опальнаго митрополита вступились греческія власти: газскій Паисій, никейскій Григорій, амасійскій Косьма, которые подали государю челобитную и въ ней заявляли; „приходимъ мы, богомольцы твои, къ твоему царскому величеству къ Москвѣ отъ нечестивыхъ турокъ и терпимъ путемъ всякія напасти и бѣды, токмо надѣмся утѣшеніе пріять у твоего царскаго величества и твѣя скорби всѣ забываемъ. Нынѣ же слышимъ, что брата нашего варнскаго Данила митрополита посылають молитися въ иѣкоторый монастырь, а про что, тсго намъ, богомольцомъ твоимъ, невѣдомо, и мы о томъ вельми скорбимъ. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, пожалуй насъ, богомольцевъ твоихъ, вели, государь, про того митрополита Данила, намъ, богомольцамъ своимъ, вину его извѣститъ предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ и его поставитъ отвѣщать, что бѣ вина его явна была и ему и намъ, а кромѣ суда и сыску не велѣлъ бы, государь, его ссылатъ, что бѣ намъ о томъ скорбь и печаль престала.—царь-государь смилуйся пожалуй!“ Просьба челобитчиковъ была уважена, имъ были объявлены вины Данила и въ заключеніе сообщено, что Даниилъ будетъ въ Москвѣ до пріѣзда вселенскихъ патріарховъ, которые на соборѣ и разсудятъ его дѣло ¹⁾.

Указанные нами случаи очень характерны: ссылая аеонскаго кастамонитскаго архимандрита Теофана въ Кирилловъ монастырь, царь приказываетъ думному дьяку спросить Паи-

¹⁾ Все сказанное мною доселѣ о Паисіѣ Лигаридѣ взято мною изъ моей книги: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку, стр. 181—193. Изд. 1885 г.

сія Лигарида и компанію: „въ томъ имъ нѣтъ ли какого сумнѣнія“, приказываетъ дьяку объявить имъ, за что архимандритъ сосланъ, и когда греческія власти отозвались, что Теофанъ сосланъ за дѣло, а бывшіе съ нимъ старцы, тоже уже сосланные, ни въ чемъ не виноваты, то послѣднихъ немедленно возвратили въ Москву. Очевидно, что Паисій Лигаридъ, вмѣстѣ съ другими бывшими тогда въ Москвѣ греческими архіереями, игралъ роль посредника между греками и московскимъ правительствомъ. Послѣднее смотрѣло на Паисія какъ бы на оффиціального представителя и защитника греческихъ интересовъ въ Москвѣ, почему безъ его вѣдома и одобренія даже не рѣшалось подвергать наказанію тѣхъ грековъ, которые обвинялись въ какомъ-либо преступленіи. Точно также и самъ Паисій смотрѣлъ на себя какъ на правомочнаго представителя и защитника грековъ предъ московскимъ правительствомъ. Когда оно хотѣло сослать варскаго митрополита Даниила, обвиняемаго въ политическомъ преступленіи, то Паисій, вмѣстѣ съ другими греческими властями, считаетъ себя въ правѣ вступить въ это государственное дѣло и формально требуетъ, чтобы ему съ товарищами сообщено было, за что ссылаютъ митрополита, „ибо того намъ невѣдомо, и мы о томъ вельми скорбимъ“, требуетъ публичнаго соборнаго разсмотрѣнія обвиненій противъ митрополита, „чтобы вина его была явна ему и намъ, а безъ суда и сыску чтобъ его не ссылали“. Требованія Паисія и компаніи относительно митрополита Даниила были исполнены правительствомъ, хотя митрополитъ обвинялся въ чисто политическомъ преступленіи, и потому оно никакъ не могло подлежать публичному суду и разбирательству духовнаго собора. Понятно, какія побужденія руководили челобитчиками въ ихъ ходатайствахъ за разныхъ грековъ: они имѣли въ виду, по ихъ собственному выраженію, „чтобы смиренный греческій родъ у тебя, великаго государя, въ презрѣніи и забвеніи не былъ, и наше бѣ моленіе вотще не было жь“.

Вполнѣ естественно было, что Паисій Лигаридъ, какъ скоро осмотрѣлся въ Москвѣ и почувствовалъ подъ собою почву, поспѣшилъ вмѣшаться въ интересовавшее и волновавшее всѣхъ дѣло Никона, которое окончательно и пере-

шло въ его цѣпкія руки, такъ что весь дальнѣйшій ходъ этого дѣла во многомъ зависѣлъ теперь отъ Паисія

29 мая 1669 года Паисій подалъ государю о Никонѣ особую докладную записку, въ которой заявлялъ, что онъ услышалъ съ большою жалостію, что Никонъ „не покидаетъ владѣнья церковнаго и не воздерживается отъ дѣлъ патріаршескихъ“, что онъ „уставы святыя творить, гнѣвно грозить, прокликаетъ безо всякія пощады“, а между тѣмъ уже не есть болѣе пастырь, ибо какъ можно назвать пастыремъ того, „который свои оставливаетъ овцы и о нихъ дѣломъ прямымъ не пасеть?“ И такъ какъ на дѣлѣ Никонъ уже не пастырь, то онъ никакъ не можетъ вѣдать судебныхъ дѣлъ и судить другихъ, пока самъ не оправдается. Судить слѣдуетъ не ему, а его, почему его и нужно позвать на судъ и допросить, для чего онъ произвольно оставилъ свой престоль. До судебного же рѣшенія, которое его оправдаетъ или обвинитъ, Никону долженъ быть данъ указъ, чтобы онъ воздержался, до рѣшенія суда, отъ всякихъ архипастырскихъ дѣйствій. При этомъ Паисій замѣчаетъ, что болѣе подробно объ этомъ онъ уже писалъ государю въ двухъ своихъ письмахъ, которыя не дошли до насъ.

Никонъ узналъ о письмахъ Лигарида къ государю и рассчитывая встрѣтить въ Паисіѣ своего доброжелателя и сторонника, прислалъ къ нему письмо, въ которомъ оправдывая себя и свое оставленіе патріаршей каѳедры, всячески старается изобразить царя въ его отношеніяхъ къ церкви вообще и въ частности, къ самому Никону, въ самыхъ мрачныхъ и непривлекательныхъ краскахъ. Царь, живописуетъ Никонъ Паисію, вопреки божественнымъ законамъ и правиламъ, захватилъ себѣ весь церковный судъ, и судить не только архіереевъ и всѣхъ духовныхъ, но и самаго патріарха, почему на Москвѣ царятъ въ церкви „мучительство и бѣдность и грабленіе“. И если онъ, Никонъ, оставилъ патріаршій престоль, то единственно потому, что отъ царя слышалъ на свои справедливыя представленія ему только „решеніе и гнѣвъ безъ правды“, и потому еще, „что судъ и вся церковная управленія царская держава воспріять и намъ быти стало не у чего“. Царь созвалъ для суда надъ нимъ, Никономъ, соборъ, но какъ велось на этомъ соборѣ дѣло суда? Царь заставилъ, увѣряетъ Никонъ Лигарида,

„написать скаски лживыми нѣкоими человекъци у себя въ царскихъ палатахъ, инѣхъ же, и муками устрашая, повелѣлъ написать, что будто волею мы оставили престолъ съ клятвою; еще отъ нѣкихъ глаголется, яко и мзду архіереомъ, архимандритомъ и игуменомъ царь того ради давалъ, яко да припишутъ на мя руки, да не буду я патріархомъ; они же, послушавши царя, сотвориша яко же годно его царскому величеству“. Между тѣмъ русскимъ архіереямъ, по церковнымъ правиламъ, никакъ нельзя было судить своего патріарха, безъ разрѣшенія котораго они даже не имѣли права и являться на соборъ, такъ какъ при своемъ поставленіи въ архіереи они давали ему, Никону, рукописное обѣщаніе, „чтобъ не слушать царя и царскаго повелѣнія, аще и смертію почнетъ претить; аще ли что сотворить безъ нашего патріаршаго вѣдома, да будетъ лишень безъ всякаго слова всего священнаго сана“. При этомъ Никонъ замѣчаетъ, что онъ ушелъ съ Москвы не въ чужую епархію, а постоянно оставался въ предѣлахъ своей московской епархіи; замѣчаетъ, что ни въ чемъ не виноватъ предъ царемъ, кромѣ того, „что пишемъ и говоримъ о неправдахъ его (царя), яже ко святымъ Божиимъ церквамъ и ко святымъ монастыремъ,—обнищилъ и разорилъ (царь) святыя церкви и монастыри своею сильною рукою, и онъ того ради злобится на насъ“.

Такъ Никонъ усиливался оправдать себя и всячески очернить царя въ глазахъ Паисія Лигарида. При этомъ Никонъ, увлекаясь своею враждою къ царю, вовсе не подумалъ о томъ, что его письмо къ Лигариду представляетъ изъ себя крайне безтактный и очень некрасивый поступокъ для столь гордаго ранѣ патріарха, который теперь старался забѣжать къ выѣзжему иностранцу, сообщалъ ему невѣрныя свѣдѣнія о поступкахъ царя и его отношеніяхъ къ церкви, сообщалъ какія-то грязныя сплетни о подкупахъ и застрашиваніяхъ царемъ членовъ собора 1660 года. Не подумалъ Никонъ и о томъ, что вѣдь письмо онъ пишетъ почти совсѣмъ неизвѣстному ему иностранцу, можетъ быть человекъ очень сомнительному и не заслуживающему довѣрія, что онъ приглашаетъ этого иностранца быть судьей въ распрѣ патріарха съ царемъ, приглашаетъ извести надъ ними свой судейскій приговоръ. Такъ непозволительно необдуманно могъ посту-

пять только увлекающійся Никонъ и за это онъ былъ скоро жестоко наказанъ.

Уже изъ содержанія и тона письма Никона Паисій Лигаридъ прекрасно понялъ, что за человѣкъ былъ Никонъ, понималъ, что по своему крайне невыдержанному характеру и чрезмѣрной притязательности Никонъ никакъ не можетъ быть болѣе патріархомъ, а отсюда для него было ясно, на какую сторону ему слѣдуетъ стать, чтобы получить для себя въ Москвѣ всякія выгоды и блага, почетъ и вліяніе: Никонъ уже не могъ ничего дать ему, а царь могъ дать все. Значитъ ему, во имя своихъ личныхъ интересовъ и выгодъ, слѣдовало стать на сторону враговъ Никона и добиваться не возвращенія его на патріаршую кафедру, а конечнаго низверженія. Такъ и поступилъ Паисій. Онъ отвѣтилъ на письмо Никона очень сдержанно и дипломатично. Онъ пишетъ Никону: „посредѣ двухъ бодрствующихъ стоя, не вѣмъ, камо обращуся? Яко никто же можетъ двумъ господемъ работати: или бо одинаго возненавидитъ и другаго возлюбитъ, или одинаго удержится и другаго пренебрежетъ“. И Паисій немедленно доказалъ это самымъ дѣломъ. Въ своемъ отвѣтѣ на письмо Никона, несмотря на всю свою сдержанность и изворотливость, несмотря на то, что онъ какъ будто даже призываетъ Никона возвратиться на оставленный имъ патріаршій престолъ, онъ вполнѣ замѣтно выступаетъ сторонникомъ и хвалителемъ царя, и, въ то же время, хотя не рѣзкимъ и рѣшительнымъ, но все-таки замѣтнымъ порицателемъ поступковъ и всего поведенія Никона. Послѣдній изъ этого письма Паисія тоже ясно понималъ, что въ его лицѣ онъ пріобрѣлъ себѣ очень опаснаго врага. Такъ и было въ дѣйствительности, какъ показалъ ходъ всѣхъ дальнѣйшихъ событий ¹⁾.

Бояринъ Семень Лукьяновичъ Стрешневъ составилъ тридцать вопросовъ по дѣлу Никона и просилъ Паисія Лигарида дать на нихъ письменные отвѣты. Самые вопросы составлены были Стрешневымъ съ согласія государя, почему и отвѣты на нихъ Паисія должны были быть представлены чрезъ Стрешнева государю. Лигаридъ 15 августа 1662 года представилъ свои письменные отвѣты на всѣ тридцать во-

1) Гиб. I, 221—227.

просовъ. Хотя въ предисловіи къ отвѣтамъ Паисіи и заявляетъ: „я хочу правду говорить и умру для правды Божіи“, однако всѣ свои отвѣты написалъ явно тенденціозно, съ прямымъ и очевиднымъ намѣреніемъ во всемъ обвинить Никона, представить его человѣкомъ недостойнымъ патріаршества, даже подлежащимъ изверженію, какъ человѣка гордаго, тщеславнаго и пр. Словомъ, въ своихъ отвѣтахъ на вопросы Стрешнева Лигаридъ рѣшительно и открыто сталъ на сторону враговъ Никона, всячески старался дать имъ въ руки оружіе для борьбы и окончательнаго пораженія Никона, чѣмъ, конечно, въ высшей степени угодилъ всѣмъ противникамъ Никона. Какъ были приняты послѣдними отвѣты Паисія, обвинявшаго и порицавшаго за все только Никона, это видно изъ слѣдующаго: Нероновъ, въ своей челобитной государю объ избраніи патріарха на мѣсто Никона, говоритъ: „преосвященный же Паисія, митрополитъ газскій, яко отъ Бога посланъ, не витійскими бесѣдами, но просто всѣ Никоновы затѣйки законопреступны показа... Тебѣ, христіолюбивому государю, *правдоглаголивый Паисія*, моля, истину рекъ: твое, рече, благочестивый царю, прилежное попеченіе о церкви“. Вятскій епископъ Александръ въ своей челобитной государю называетъ Лигарида „правдоглаголивый архіерей Паисія“, „священный мужъ“, которому свойственна „неухищренная бесѣда“, „сущимъ архіереемъ“, „священный Паисія“, который говоритъ только правду и за нее готовъ умереть. Только протопопъ Аввакумъ смотритъ на Паисія иначе. У Паисія газскаго, говоритъ онъ, „выняли напоследокъ табаку 60 пудовъ, да дому, да иные тайные монастырскіе вещи, что пограбивше творять. Согрешили—простите; не мое то дѣло: то вѣдаетъ онъ; своему владыкѣ стоитъ, или падаетъ. Къ слову молвилось. То у нихъ были любимые законоучителіе“ ¹⁾.

Отвѣты Паисія на вопросы Стрешнева, представлявшіе собой сплошной обвинительный актъ противъ Никона, имѣвшіе въ виду показать, что вся вина распри между патріархомъ и царемъ, падаетъ только на одного Никона, были какъ нельзя болѣе пріятны и для Алексѣя Михайловича и

¹⁾ Гиб. II, 518—550 Матер. для истор. раск. I, 188—189 V, 72—73 \ II 112—115, 134, 150

для всѣхъ дворцовыхъ бояръ, почему Паисій сразу пріобрѣлъ чрезвычайное расположеніе и довѣріе и царя и всѣхъ бояръ. При дворѣ, куда Паисій получилъ свободный доступъ, только отъ него теперь и ждали рѣшенія запутавшагося вопроса о Никонѣ, готовы были слушать всѣ его совѣты, слѣдовать въ этомъ дѣлѣ его указаніямъ и идти по тому пути, на какой онъ указывалъ.

Какъ мы говорили, соборъ русскихъ іерарховъ въ 1660 году произнесъ свой судъ надъ патріархомъ Никономъ. Но въ виду обнаружившихся разногласій на соборѣ царь не рѣшился привести соборный приговоръ о Никонѣ въ исполненіе. Теперь, когда Лигаридъ прибылъ въ Москву и успѣлъ занять здѣсь руководящее положеніе въ дѣлѣ Никона, государь рѣшилъ передать соборное дѣяніе на просмотръ Лигарида съ тѣмъ, чтобы онъ высказалъ свое мнѣніе о дѣяніяхъ русскаго собора. Въ этихъ видахъ, особымъ указомъ государя отъ 29 декабря 1662 года, велѣно было при рязанскомъ архіепископѣ Иларіонѣ, при бояринѣ Петрѣ Михайловичѣ Салтыковѣ, при дьякахъ Елизаровѣ и Голосовѣ прочесть Паисію Лигариду соборныя дѣянія 1660 года о Никонѣ и выслушать по поводу ихъ замѣчанія Лигарида. Значитъ, Паисій официально приглашался правительствомъ быть цензоромъ и судьей дѣянія русскаго собора. Смѣло взялся Паисій за роль судьи дѣяній собора русскихъ іерарховъ, самоувѣренно и авторитетно изрекалъ объ ихъ соборныхъ дѣяніяхъ свои одобряющія или неодобряющія сужденія, которыя онъ въ то же время ставилъ такъ, чтобы, съ одной стороны, своими замѣчаніями и сужденіями еще болѣе похвалиться государю и еще болѣе укрѣпить свое вліятельное положеніе при царскомъ дворѣ; съ другой стороны, онъ имѣлъ въ виду подавить въ мнѣніи государя авторитетъ Епифанія Славинецкаго, которому, какъ человѣку ученому, неискательному и правдивому, государь доселѣ особенно довѣрялъ и мнѣніямъ котораго онъ придавалъ особое значеніе, почему интриганъ Паисій и считалъ Епифанія опаснымъ для себя человѣкомъ, могущимъ своею правдивостію и честностію повредить ему въ мнѣніи царя.

Паисій Лигаридъ безусловно хвалитъ соборныя дѣянія въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ онъ говоритъ о царѣ. „А что въ томъ (т. е. соборномъ) дѣяніи написано, заявляетъ онъ, что царь

благочестивый долженъ имѣти о святыхъ церквахъ попеченіе, и то добръ написано, потому что благочестивый царь и боговѣнчанный долженъ не точію царство свое законнѣ управлять и о подданныхъ своихъ прилежаніе имѣти, но и о церкви Божіи, яко первородный сынъ ея, пещися и защититель тоя быти... И въ соборномъ дѣяніи то написано зѣло изрядно, что христоролюбивые гречестіи монархи вселенскіе соборы собирали“. На вопросъ: „можетъ-ли царь, кромѣ патріарха, соборъ собирати?“ Паисій рѣшительно отвѣчаетъ, что можетъ, „потому что онъ первородный сынъ святыхъ восточныхъ церкве и защититель благочастивыхъ вѣры“. При этомъ Паисій заявилъ, что когда святой Григорій Двоесловъ писалъ о первыхъ четырехъ вселенскихъ соборахъ, которые были собраны по повелѣнію благочестивыхъ царей, то онъ по этому поводу писалъ: „я-де дѣянія четырехъ вселенскихъ соборовъ приѣмлю равно, какъ и четырехъ евангелистовъ. И отсюду явно, прибавляетъ Паисій, коль велико и честно богодарованное повелѣніе царей благочестивыхъ“. Признавъ полное право благочестивыхъ царей, помимо патріарха, собирать церковные соборы, Паисій счелъ далѣе нужнымъ высказать свое особое умиленіе и восхищеніе по поводу царскихъ вопросовъ, которые предложены были государемъ на обсужденіе и рѣшеніе собора 1660 года. „Я, говоритъ Паисій, тѣмъ его царскаго величества предивнымъ вопрошеніямъ удивляюсь и златыми ихъ называю, достойно-де тѣ его государскіе слова изобразить на адамантѣ, и яко же-де благовѣрный Константинъ, первый царь христіаномъ, на вселенскомъ первомъ соборѣ ко отцемъ богоноснымъ провѣшалъ чудные рѣчи, подобнѣ и великій государь нашъ, яко новый Константинъ, свои государскіе слова учинилъ ко священному чину“.

Всячески польстивъ царю, Паисій счелъ нужнымъ, хотя и очень сдержанно, похвалить и архіереевъ, отвѣты которыхъ на царскіе вопросы были, по его мнѣнію „изрядны и памяти достойны“. Показанія свидѣтелей на соборѣ объ обстоятельствахъ оставленія Никономъ патріаршей кафедры Паисій находитъ вполнѣ достовѣрными и особенно показаніе князя Алексѣя Никитича Трубецкаго, въ виду чего, по его мнѣнію, на предстоящемъ соборѣ слѣдуетъ указать Никону, что онъ говоритъ теперь неправду, будто онъ, при

оставленіи имъ каеэдры, не отрицался патріаршества и что Никону теперь никакъ не слѣдуетъ, какъ своевольно оставившему патріаршество, служить и дѣйствовать святительски.

Далѣ Паисій дѣлаеть указанія на недостатки соборнаго дѣянія, составленнаго, по порученію государя, Славинецкимъ, причемъ онъ имѣеть въ виду главнымъ образомъ уронить въ глазахъ государя составителя соборныхъ дѣяній—Славинецкаго. Паисій замѣчаетъ, что соборное дѣяніе начато отъ словъ Григорія Богослова—„и то дѣло доброе“, но его приличіе было бы начать со словъ апостола Павла, потому что онъ первый писалъ о членахъ святой восточной церкви т. е. о христіанскихъ начальникахъ и начальствуемыхъ и потому что восточная церковь основана на апостольской проповѣди. Крайне неприличнымъ, и потому неприемлемымъ, находитъ Паисій то мѣсто изъ соборныхъ дѣяній, гдѣ говорится, что во время оставленія Никономъ патріаршества къ нему было народное моленіе, что народъ въ то время называлъ его отцомъ и пастыремъ, а себя чадами и овцами, что всѣ плакали, рыдали и лежали у его ногъ, какъ это было при отшествіи Павла апостола изъ Милета. „Для чего было такія рѣчи въ соборное дѣяніе вносить? спрашиваетъ Паисій и отвѣчаетъ: знатно-де тотъ, кто то дѣяніе слагалъ *на патріаршу Никонову руку радѣль, а не великому государю*“. Далѣ Паисій говоритъ, что въ дѣянїи много писано вопросовъ и отвѣтовъ относительно того, какъ Никонъ сложилъ съ себя патріаршество „и законно то учинилъ“, что приведенное въ дѣянїи разсужденіе Кирилла александрійскаго мало относится къ дѣлу, и затѣмъ спрашиваетъ: „на что де было такое лишшесловіе, только многихъ смущающее? Коли де патріархъ достоинъ, для чего не патріаршествовалъ, а коли недостинъ, на что и служить? И то де знатно, что тотъ, *кто то дѣяніе складывалъ—врагъ государю царю, и правдѣ, и всему собору*“. Паисій замѣчаетъ также, что въ соборное дѣяніе много внесено лишняго многословія и риторскаго краснорѣчія, тогда какъ въ немъ дѣло шло не о риторикѣ и исторїи, а о правдѣ, о которой пристойнѣе писать простыми, для всѣхъ понятными рѣчами, „а то-де отъ тѣхъ рѣчей могутъ у Никона патріарха новые вымыслы быть“. Указываетъ: въ дѣянїи написано, что церковь не можетъ вдовство-

вать дольше трехъ мѣсяцевъ, „и то де солгано, а въ подлинныхъ де правилахъ написано, что церковь не можетъ вдовствовать больши шести мѣсяцевъ“. Въ заключеніе просилъ Паисій, чтобъ у извѣстнаго справщика книгъ Арсенія грека взяты были нѣкоторыя греческія книги, нужныя для предстоящаго собора, „только бъ де Арсеній тѣхъ книгъ не затаилъ, потому что де онъ радѣеть патриарху,“ а также просилъ государя, что бъ онъ воротилъ изъ ссылки, изъ Соловецкаго монастыря, грека монаха Агаѳангела, такъ какъ „миѣ де онъ, Агаѳангель, потребенъ для переводу грецкаго языка“¹⁾.

Такимъ образомъ Паисій Лигаридъ, какъ оффиціально признанный компетентный судья, произнесъ свой авторитетный приговоръ надъ дѣяніями цѣлаго собора русскихъ іерарховъ, открыто выставивъ себя при этомъ рѣшительнымъ врагомъ Никона и всѣхъ его сторонниковъ, чѣмъ онъ приобрѣлъ еще большее расположение и довѣріе царя, бояръ и самихъ русскихъ архіереевъ.

Самъ Паисій разсказываетъ, что когда враждебные Никону бояре увѣрились, что онъ рѣшительно сталъ на ихъ сторону и что онъ дѣйствительно способенъ двинуть дѣло о Никонѣ въ томъ направленіи, какое имъ было желательно, они обратились къ нему съ вопросомъ: какъ поступить, чтобы церковь не вдовствовала? Паисій отвѣчалъ: „легко избавленіе, если бы правительство отъ души согласилось исполнить его мысль. На сіе оказался склоннымъ и благочестивый государь и, послѣ многихъ вопросовъ и предложеній, произнесъ: выскажи миѣ ради самой истины и обнажи свою мысль о средствахъ къ исправленію церкви нашей. А гааскій отвѣтствовалъ: отправь грамоты къ четыремъ вселенскимъ патриархамъ и объяви имъ относящееся къ Никону, описавъ вкратцѣ обвиненія и похвальбу (подъ похвалбой Паисій разумѣетъ приписываемое имъ Никону намѣреніе отдаться подъ судъ папы) и тотчасъ же достигнешь своего желанія. Да, отвѣчалъ самодержецъ, но дай миѣ не много подумать и посовѣтоваться съ моими боярами, а потомъ пошло опять за тобою, когда утвержду и повторю въ умѣ то, что ты совѣтуешь, а между тѣмъ ты самъ меня мыс-

¹⁾ Гиб. II, 585—589.

ленно (отъ души) благослови: ибо ты пришелъ къ намъ, какъ говорится, правою ногою“ ¹⁾). Задуматься царю было надъ чѣмъ. Средство, предложенное Паисіемъ было для царя ново: его ранѣе, какъ единственно вѣрное, рекомендовали и Игнатій Іевлевичъ и Славинецкій. Но правительство, по очень понятнымъ причинамъ, затруднялось прибѣгнуть къ этому средству. Помимо чисто внѣшнихъ трудностей приходилось домашнюю распрю огласить на весь міръ, сдѣлать ее предметомъ всякихъ толковъ и разговоровъ, приходилось греческихъ патріарховъ признать какъ бы высшею судебною инстанціею въ распрѣ между русскимъ царемъ и патріархомъ,—но согласно-ли это будетъ съ достоинствомъ русскаго царя и русской церкви? Но такъ какъ иного выхода не находили, то и рѣшились послѣдовать совѣту Паисія—созвать въ Москвѣ соборъ и пригласить на него восточныхъ патріарховъ.

Н. Кантеревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Сочиненіе Паисія Лигарида: О соборномъ судѣ надъ патріархомъ Никономъ, кн I, гл XV. Рукопись Московской Духовной Академіи.